

УДК 338.2(1*KR)
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.06

Эволюция стратегии цифровизации в Республике Корея

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-3892-8432

ЦИТИРОВАНИЕ: Федоровский А.Н. Эволюция стратегии цифровизации в Республике Корея // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 95–111.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.06

Статья поступила в редакцию 26.02.2025.
Исправленный текст представлен 30.03.2025.

АННОТАЦИЯ. *Проводимый в 2020-е годы в Республике Корея (РК) курс на цифровизацию экономики и общественной жизни отвечает общей стратегии опережающего инновационного развития, призванного сохранить поступательную динамику и обеспечить стабильное качество роста и высокие стандарты уровня жизни населения. При этом концепция цифровой трансформации страны реализуется достаточно последовательно. Смена правящей администрации допускает корректировку стратегии цифровизации, но не приводит к отказу от нее или кардинальному изменению содержания начатого процесса. Принципиальной особенностью долгосрочного плана действий стала увязка стратегической программы цифрового перехода с курсом на создание зеленой экономики. Серьезным лимитирующим фактором экономического развития Республики*

Корея на долгосрочную перспективу становится хронический дефицит трудовых ресурсов, вызванный последствиями демографических проблем. Одним из решений означенной проблемы видится расширение применения роботов в промышленном производстве и сфере услуг. Потребность обеспечения конкурентных преимуществ побуждает придать дополнительный импульс разработкам квантового компьютера и искусственного интеллекта (ИИ). Ключевые проекты цифровизации включают в себя отрасли, непосредственно улучшающие качество жизни, прежде всего здравоохранение, образование, культуру, а также экологию и индустрию обеспечения комфортного проживания. Достижение поставленных задач подразумевает опережающее развитие информационных технологий (ИТ) на основе развития научного и промышленного потенциала.

Взаимодействие с иностранными производителями и потребителями высокотехнологичной продукции является важным аспектом стратегии южнокорейских разработчиков и производителей. В числе внешних партнеров заметную роль играют американские, европейские и японские корпорации. Вместе с тем приоритетное значение в последние годы отдается выходу на рынок КНР и кооперации с китайскими компаниями. Кроме того, растет внимание к взаимодействию с новыми партнерами, в том числе со странами АСЕАН, а также с Индией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Корея, новый цифровой курс, Цифровая стратегия Кореи, информационные технологии, искусственный интеллект, Китай, США, АСЕАН, Индия, Вьетнам.

Введение

Эпидемия коронавирусной инфекции COVID-19 негативно отразилась на южнокорейской экономике, что нашло свое выражение в снижении в 2020 г. ВВП на 1%, росте безработицы, внешнеэкономических проблемах. В то же время, в отличие от ряда других пострадавших от пандемии государств, Республика Корея инициировала меры не только тактического характера, направленные на смягчение последствий экономического спада и связанных с этим социальных проблем, но и приняла решения долгосрочного характера. Действовать подобным образом администрация президента Мун Чжэ Ина (2017–2022) побудила необходимость реагирования на проявление в последние годы ряда фундаментальных вызовов, требующих корректировки стратегии развития.

Прежде всего, РК столкнулась за последние более чем четверть века с не-

уклонным снижением темпов экономического прироста ВВП, превышавшим 6% в начале 1990-х годов и составлявшим 2–3% в последнее десятилетие. Обостряются демографические проблемы. Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что одновременно увеличивается разница в доходах южнокорейцев, что отразилось на положении среднего класса, доля которого в населении страны сократилась с 65% в 1997 г. до 56% в 2013 г. Между тем происходила концентрация национального богатства в руках элиты: на долю 10% наиболее обеспеченной части населения в 2013 г. стало приходиться 45% всех получаемых доходов, что на 16 процентных пунктов больше, чем в 1990 г. Данные процессы отражали изменение структуры бизнеса в пользу крупных конгломератов (чеболей). Доля «большой четверки» (*Samsung, Hyundai Motor, LG и SK*) в ВВП составила в 2013 г. 60% против 40% в 2003 г. Во многом причины сложившегося положения оказались связаны с проблемой развития малого предпринимательства. Производительность труда такого рода бизнеса не превышала трети от показателей крупных компаний. Лишь 15% малых компаний вовлечены в устойчивые международные экономические связи, включая производственные цепочки [Ahn, 2016].

Меры социальной поддержки, направленные на изменение сложившегося тренда, оказались недостаточными, чтобы кардинально изменить ситуацию и устранить возникающий в связи с этим общественный конфликт. Южнокорейскому руководству приходится учитывать, что дифференциация доходов в решающей степени связана с разницей возможностей, заложенных в традиционных и инновационных отраслях.

В итоге совокупность экономических и социальных факторов предопределила намерение администрации Мун Чжэ Ина приступить к разработ-

ке и проведению стратегии развития, предполагающей за счет распространения инноваций кардинально повысить производственные возможности и эффективность подавляющего большинства отраслей и сферы услуг, при этом за счет применения природоохранных технологий оздоровить среду обитания, избавиться от депрессивных производств, обеспечить нужды оборонного комплекса и поддержать социальную стабильность.

Основные идеи инновационной модернизации южнокорейской экономики и социальной сферы начали прорабатываться в 2017–2019 гг., пандемия COVID-19 способствовала активизации этого процесса, нашедшего свое завершение в принятии в 2020 г. корейского Нового курса Национальной стратегии великой трансформации (КНК).

В ходе реализации КНК первостепенное внимание уделялось плану *Big-3*, подразумевавшему приоритетный рост зеленого автомобилестроения, биотехнологии, а также Цифрового нового курса (технологии 5G, большие данные и искусственный интеллект). Выбранные отрасли призваны были обеспечить экономический рост на основе экологичных технологий, существенного повышения возможностей медицинской отрасли и фармакологии, широкого внедрения роботизации, цифровых автоматизированных решений на корпоративном и потребительском уровнях.

Выдвигая амбициозные цели, южнокорейское руководство исходило из наличия значительных возможностей развития инновационных отраслей. Расходы на науку составляют 5% ВВП (2022 г., 2-й показатель в мире после Израйля), страна входит в число лиде-

ров по производству полупроводников, использованию новейшего стандарта беспроводной системы связи 5G, а также производству соответствующего оборудования. Накоплен большой опыт координации экономической политики между государством и крупным бизнесом. РК смогла создать слой высококвалифицированных технологов и разработчиков. На 100 тыс. занятых в 2021 г. приходилось порядка 290 технических специалистов со степенью бакалавра, тогда как в Китае и США этот показатель составлял соответственно 144 и 118 чел. Цифровые технологии вошли в практику деятельности ряда отраслей [Moon, McFaul, 2024, p. 40]. Однако развитие отрасли ИИ в Южной Корее отличалось неравномерностью: наряду с продвижениями по ряду направлений сохранялось отставание от мировых лидеров. В связи с этим администрацией Мун Чжэ Ина были выделены значительные ресурсы на укрепление научной базы и отраслей, связанных с наращиванием потенциала ИИ.

Тем не менее пришедшей в 2022 г. к власти администрации Юн Сок Ёля пришлось вносить коррективы в стратегию цифровизации.

Курс на цифровизацию

Летом 2020 г. правящая в тот период южнокорейская администрация объявила своей долгосрочной экономической задачей необходимость реализации программы, рассчитанной на несколько десятилетий. Как подчеркивал в связи с этим Мун Чжэ Ин, заявленная стратегия «закладывает фундамент Кореи на следующие 100 лет»¹.

Тремя главными стратегическими целями программы КНК были заяв-

1 Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation // The Government of the Republic of Korea. Ministry of Economy and Finance. – 2020. – July. – Preface. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/The%20Korean%20New%20Deal-%20National%20Strategy%20for%20a%20Great%20Transformation.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).

лены 1) обеспечение высокотехнологичного развития при одновременной поддержке создания новых высокоэффективных рабочих мест; 2) достижение быстрого возвращения к «нормальному» экономическому росту, формирующему инфраструктурные возможности развития южнокорейской индустрии, сельского хозяйства и сферы услуг, в которых всё более будут доминировать черты цифровой и зеленой экономик; 3) формирование на основе создаваемых цифрового и зеленого потенциалов новых возможностей укрепления позиций Республики Корея в мировой экономике.

Авторы стратегии исходили из того, что ее практическое содержание определяет вектор развития экономики и социальной сферы минимум до 2050 г. В начальный пятилетний период принятую программу предполагалось реализовать в три этапа. Первый охватывал 2020 г., второй – 2021–2022 гг., третий – 2023–2025 гг.

Принципиальной особенностью предложенного долгосрочного плана стала увязка стратегической программы цифровизации с курсом на продолжение создания зеленой экономики («Зеленый новый курс»). Одной из центральных задач значилось внедрение «умных сетей», представляющих собой технологии контроля и управления распределения электроэнергии, позволяющие поставщикам и потребителям гибко регулировать этот процесс, оперативно внося в него необходимые коррективы. В рамках реализации этого проекта развернулась установка в 5 млн квартир и частных домов «умных» счетчиков нового поколения с соответствующим программным обеспечением². Другим перспективным направлением стало

формирование микросетей в регионах, в первую очередь на замкнутых островных территориях, с целью отслеживания производства, хранения и распределения электроэнергии, получаемой из возобновляемых источников. Своей целью южнокорейское правительство ставило доведение доли возобновляемой энергии в совокупном потреблении до 20% к 2030 г. и до 30–35% в 2040 г. В реализации этих планов важное место отводилось цифровизации технологических и контрольно-распределительных процессов.

Кроме того, приоритетами определялись интегрирующая роль в национальной экономике ИТ, обеспечивающих цифровизацию сферы образования и социальной сферы, а также содействие «бесконтактной» коммерции (электронной торговле, использованию удаленных рабочих инструментов). Инфраструктура цифрового перехода базировалась на соотношении систематизируемых данных, сети их передачи и ИИ. Принятый в 2021 г. план продвижения «ИИ – во все регионы для нашего народа» (*AI into All regions for Our People*) изначально нацеливал научные исследования и бизнес-проекты на возможность перехода от пилотных проектов «Кластеры ИИ» (*AI Cluster Village*) к доведению разработок до максимально возможного круга пользователей во всех частях страны [OECD, 2024a, p. 161].

Ключевые проекты цифрового перехода

Всего в рамках провозглашенной стратегии цифровизации в качестве приоритетных были выделены 10 проектов. При этом к числу драйверов процесса цифровизации, помимо круп-

2 Kim S.-Y., Thurbon E., Hao T., Mathews J. South Korea's Green New Deal Shows the World what a Smart Economic Recovery Looks Like // The Conversation. – 2020. – September 9. – URL: <https://theconversation.com/south-korea-green-new-deal-shows-the-world-what-a-smart-economic-recovery-looks-like-145032> (дата обращения: 17.06.2024).

нейших корпораций, относятся банковский и финансовый сектора, что оказывает заметно позитивное влияние на приобщение к цифровому переходу ведущих отраслей экономики, прежде всего промышленности, а также важнейших звеньев сферы услуг [Kim, Kim, Kuung, 2022, p. 558]. Растут наименование и объем услуг, предоставляемых действующими в стране интернет-банками, использующими преимущество низких затрат на банковские транзакции, доступность и быстроту обслуживания клиента. В 2022 г. кредитный портфель крупнейшего онлайн-банка *KakaoBank* составил 26 трлн вон, число пользователей составило более 19 млн чел. [Кукла, 2023, с. 13].

Примечательна иерархия целей цифровизации в практической интерпретации КНК. Здравоохранение рассматривается в Республике Корея в качестве отрасли, фундаментальная модернизация которой становится решающим фактором повышения производительности и качества человеческой жизни, обеспечения инновационного развития, гарантирующего создание рабочих мест для квалифицированного персонала, а также условие поддержания социальной стабильности. Инвестиции в отрасль в объеме 100 млрд вон к 2022 г. и еще 200 млрд³ к 2025 г. нацелены на создание 3 тыс. новых рабочих мест, при том что занятые на действующих медицинских объектах в результате реализации проекта получат повышение квалификации и более совершенные условия труда.

Предусматривалось открытие 12 специализированных клиник, каждая из которых нацелена на диагностику и ле-

чение наиболее сложных заболеваний (онкологии, диабета, болезней печени). При этом широкое применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) потребовало модификации системы медицинского страхования⁴.

Существенному обновлению подверглась инфраструктура южнокорейского школьного образования. Помимо перевода систем отопления и освещения образовательных объектов (всего порядка 3 тыс.) на альтернативные источники энергии, кардинальные изменения происходят в техническом обеспечении учебного процесса. Данная программа финансировалась как из бюджетных средств, так и за счет государственно-частного партнерства. Так, в 2020–2022 гг. в сферу образования инвестировано 5,5 трлн вон (из которых 1,1 трлн – бюджетные), что привело к созданию дополнительно 42 тыс. рабочих мест⁵.

Следствием реализации проекта инновационного обновления инфраструктуры образовательной отрасли стало подключение свыше 300 тыс. школьных классов к системе *Wi-Fi*, замена 200 тыс. устаревших компьютеров современными моделями. В итоге расширяются возможности для проведения очно-дистанционного образования, сочетания общих занятий с индивидуальными, рассчитанными как на наиболее способных учащихся, так и на учеников, требующих учета их персональных, в том числе медицинских, особенностей.

Значительные инвестиции направляются в развитие инфраструктуры, обеспечивающей безопасность жизнедеятельности: транспортную систему,

3 Официальный валютный курс на 02.09.2024: 1338 южнокорейских вон за один доллар США.

4 Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation // The Government of the Republic of Korea. Ministry of Economy and Finance. – 2020. – July. – P. 50. – URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/The%20Korean%20New%20Deal-%20National%20Strategy%20for%20a%20Great%20Transformation.pdf> дата обращения: 20.04.2024).

5 Ibid. P. 20, 51.

водоснабжение, структуры раннего предупреждения о природных аномалиях. В эти отрасли до 2022 г. было направлено 8,2 трлн вон, что позволило создать десятки тысяч новых рабочих мест.

Как и во многих странах мира, дефицит качественной воды становится серьезным вызовом обеспечению здорового образа жизни и поддержанию деловой активности в городах и сельской местности, в связи с чем начат процесс кардинальной модернизации с помощью цифровых технологий всей цепочки, начиная от анализа состояния водных ресурсов и прогноза сохранения их запасов до транспортировки, распределения и конечной очистки водных стоков. Все эти данные сводятся в единую систему контроля и управления при помощи ИКТ и ИИ⁶.

Автоматизируется система раннего выявления и прогнозирования природных катаклизмов, для чего в стадии создания или модернизации включены 510 объектов, предупреждающих об угрозах тайфунов, наводнений, землетрясений, цунами с большей заблаговременностью и точностью в характеристике конкретного явления.

Наконец, в производственной сфере проявляется стремление увязать введение зеленых технологий и цифровизации. Прежде всего это касается создания систем мониторинга соблюдения промышленными производствами экологических правил и сохранения на прилегающих территориях природной среды, для чего внедряется технологический и химический надзор с использованием специальных аналитических средств внутри и вне конкретных производств, включая дроны. Предприятия обеспечивались цифровыми технологиями средств контроля оптимизации режима использования

системы возобновляемой энергетики, включая контроль со стороны специализированных центров, оснащенных системами ИИ.

Вблизи 81 крупнейшего промышленного комплекса развернуто расширение предприятий по переработке производственных отходов с целью их повторного использования. В свою очередь, технологическую поддержку получили порядка 9 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса, специализирующихся на переработке мусора.

Всего на упомянутые цели до 2022 г. было выделено 2,1 трлн вон и 4 трлн вон запланировано до 2025 г. в расчете на создание в целом до 50 тыс. рабочих мест. При этом в 2020–2025 гг. ожидалось создание 81 центра по переработке отходов и появление свыше 13 тыс. систем, предотвращающих загрязнение внешней среды малым и средним бизнесом⁷.

Перезагрузка программы цифровизации

Республика Корея в ходе процесса модернизации наряду с впечатляющими достижениями сталкивается с необходимостью найти ответ на ряд долгосрочных стратегических вызовов, требующих адекватных решений уже в ближайшей перспективе. В частности, стране приходится считаться с последствиями одного из самых низких в мире показателей рождаемости, что негативно отражается на рынке труда и диспропорциях в возрастной структуре населения. Одним из способов преодоления возникшего в связи с этим дефицита кадров может стать расширение применения роботов в промышленном производстве и сфере услуг.

6 Ibid. P. 53.

7 Ibid. P. 55.

В то же время в ходе реализации программы обозначились недостатки в способности промышленности, сферы услуг, образования и инфраструктуры в максимальной степени использовать возможности цифровизации. Наметилось отставание от планов по ряду направлений в освоении технологий «облачного» компьютера, а также ИИ [Park, 2023, р. 2]. Оценки южнокорейских экспертов показывают сложившееся отставание в инновационном потенциале целого ряда производств от ведущих промышленных корпораций. Так, 57% компаний, действующих в сфере услуг, не инвестируют в инновационные разработки [Cheong, Cho, 2024, р. 195].

Одной из серьезных проблем становятся ограниченные возможности малого и среднего бизнеса участвовать в заявленном процессе, а также препятствия росту индивидуальной занятости в сфере инновационного предпринимательства. Между тем цифровая трансформация при поддержке правительства предполагает повышение технологических возможностей такого рода бизнеса. Однако сохраняются факторы, препятствующие его модернизации. Среди них – ограниченность финансовых возможностей, недостаточная квалификация кадров. Кроме того, выявилась зависимость включения малого бизнеса в процесс цифровой трансформации от степени развитости локальных горизонтальных экономических связей [Kim, Kim, Kyung, 2022, р. 5].

В связи с этим появились дополнительные приоритеты – акцент был перенесен на повышение координации инновационных программ, совершенствование цифрового образования, содействие бесконтактному бизнесу, расширение цифровизации социальной сферы. Соответственно, указанные направления получили финанси-

рование в первоочередном порядке. В 2020–2025 гг. с этой целью закладывались средства в объеме 38,5 трлн вон с расчетом на создание около 600 тыс. рабочих мест.

Значительные усилия направлялись на создание «цифровой экосистемы», подразумевающей сбор, систематизацию, раскрытие, интеграцию и распределение массива данных. Выполнение этой задачи было возложено на более чем 8 тыс. частных компаний, обладающих необходимым техническим и профессиональным потенциалом.

Стратегия КНК разрабатывалась в период распространения COVID-19, что наложило свой отпечаток на характер и реализацию принятых решений. Заметным было политическое содержание предложенной концепции модернизации страны, выразившей стремление оперативно ответить на вызовы пандемии и одновременно приступить к скорейшему созданию экономики, по своему содержанию отвечающей долгосрочным целям инновационного развития.

Быстрота принятых решений сказалась на незавершенности разработки всех вопросов к моменту принятия основ стратегии «Корейский новый курс» летом 2020 г. Ряд важных постановлений принимался уже в развитие одобренных ранее решений. Это касалось, в частности, создания системы управления КНК, детализации условий его финансирования, в том числе путем создания Фонда «Корейский новый курс», поддержания регионального баланса реализации КНК. Необходимость доработки ряда параметров курса признавал и президент Мун Чжэ Ин, отмечавший, что важнейшим аспектом южнокорейской трансформации в части цифровой и зеленой экономики должны стать усилия, направленные на преодоление неравенства и предотвращение маргинализации людей и ре-

гионов. Однако ряд недостатков, выявленных в ходе реализации программы, преодолеть не удалось.

Несмотря на это, объективные данные дают основания говорить о возможностях Республики Корея в деле цифровизации экономики и всей общественной деятельности. В 2024 г. при численности населения 52 млн чел. 50,7 млн (97%) южнокорейцев пользовались Интернетом [OECD, 2024a, p. 90]. Жители страны владеют 66,4 млн средств мобильной связи, 48 млн граждан – активные пользователи социальных сетей⁸.

Пришедшая к власти в 2022 г. администрация президента Юн Сок Ёля посчитала необходимым выдвинуть 28 сентября 2023 г. скорректированную редакцию стратегии цифровизации страны – Цифровую стратегию Кореи (*Digital Strategy of Korea*). Собственно говоря, заявлена не одна стратегия, а долгосрочный план действий (*roadmap*), включающий пять стратегий и 19 целевых задач (*specific tasks*). Отправной точкой предлагаемой концепции стало выступление за неделю до этого президента Юн Сок Ёля в Нью-Йоркском университете с докладом «Солидарность за свободу цифровых граждан» (*Solidarity for the Freedom of Digital Citizens*)⁹.

Вносить коррективы и новые акценты в действующую стратегию правящую администрацию побудили объективные причины. В первую очередь инвестиции направляются в шесть ключевых направлений, среди которых есть уже получившие заметное развитие, такие как технологии 5G, которое дополняется разработками системы связи 6G, а также кибербезопасность.

В то же время потребность обеспечения конкурентных преимуществ побуждает придать дополнительный импульс разработкам квантового компьютера, ИИ, добиться качественно нового уровня производимых полупроводников, наконец, такому (во многом поисковому) направлению, как изучение практических возможностей метавселенной, то есть постоянно функционирующего виртуального пространства, в котором допустимо взаимодействие людей друг с другом и с цифровыми объектами. Ежегодный прирост мирового рынка ИИ в 2023–2030 гг. прогнозируется на уровне 24%, в результате чего его абсолютный объем может составить порядка 207 млрд долл. С целью поддержать цифровизацию банковско-кредитных институтов в 2023 г. было инициировано создание специального банка для цифровой валюты [Кукла, 2023, с. 14].

При всей важности реализации упомянутых программ государство и бизнес РК считают особо приоритетным исследование потенциала ИИ в обеспечении перехода на качественно новый уровень производимых в стране полупроводников [OECD, 2024b, p. 56]. Во многом это вызвано конкуренцией со стороны зарубежных (в первую очередь китайских и тайваньских) производителей, которую испытывают на себе ведущие южнокорейские компании. В то время как развитие данной отрасли во многом определяет перспективы роста всей экономики Республики Корея, на мировом рынке отмечается нехватка высокопроизводительных интегральных микросхем. Между тем качественные прорывы в разработке

8 Kemp S. Digital 2024: South Korea // DataReportal. – 2024. – February 23. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-south-korea> (дата обращения: 28.06.2024).

9 Korea to Come up with the Roadmap of Digital ROK, Realizing the New York Initiative // Ministry of Science and ICT. – 2023. – September 28. – URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=4&mPid=2&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=742> (дата обращения: 28.06.2024).

и производстве полупроводников и, соответственно, микросхем нового поколения эксперты связывают с использованием возможностей ИИ¹⁰. Речь идет о создании продукции с заданными характеристиками при существенном снижении совокупных издержек разработки и производства, способности ужесточить контроль качества готового изделия, изыскании альтернативных существующим исходных материалов, обеспечивающих южнокорейских производителей необходимыми компонентами без снижения качества конечной продукции. Последнее тем актуальнее, что международный рынок необходимых сырьевых ресурсов во многом определяется поставками из Китая, зависимость от которых южнокорейские компании стремятся снизить.

Наконец, существенный акцент делается на социальном аспекте технологического развития. Успех цифровизации в Республике Корея во многом связывается с подготовкой высококвалифицированных кадров, для чего вдвое увеличиваются учебные часы, отводимые на знакомство с этой темой в школах, расширяется объем соответствующих программ в университетах. Одновременно, учитывая сложившиеся в Южной Корее региональные диспропорции, ставится задача перераспределения за счет цифровой инфраструктуры производственных возможностей между регионами внутри страны. Широкий общественный и гуманитарный контекст принимаемых мер подразумевает увязку продвижения цифровизации экономики с задачей обеспечения максимальных возможностей: индивидуальных, профессиональных, культур-

ных – с учетом гендерных особенностей, возрастных групп, особенностей жизни в мегаполисах и в небольших поселениях. Речь идет не только о гарантиях высоких экологических стандартов качества и безопасности жизни, но одновременно и о создании новых возможностей профессионального и общественного самовыражения человека, реализации его конституционных прав, расширении индивидуальных способностей на всех уровнях, вплоть до глобального. В подготовленном ООН докладе о состоянии цифровизации мировой экономики отмечается, что за пределами Европейского союза Республика Корея демонстрирует последовательный курс на координацию цифровизации и зеленого развития [UNCTAD, 2024, p. 200].

Реализация упомянутых программ позволила достичь ощутимых **позитивных результатов**. По оценкам американской исследовательской компании *Forrester Research*, Республика Корея вошла (вслед за США, Китаем, Великобританией, Японией и Германией) в число шести ведущих стран-лидеров по объему цифровой экономики. При этом к 2028 г. (при сохраняющейся тенденции развития страны) по доле цифрового бизнеса в ВВП (31%) Южная Корея сможет занять позиции мирового лидера, опережая Китай (18%) и США (16%)¹¹. Доля южнокорейцев, обладающих доступом к сетям 5G, достигла 63%, уступая по этому показателю только США (68%) и превосходя Японию (56%). В среднем по ОЭСР этот показатель составляет 31% [OECD, 2024b, p. 45]. Развивая свои технологические возможности, южнокорейские ком-

10 Artificial Intelligence in Boosting Semiconductor R&D // Patsnap. – 2024. – URL: <https://www.patsnap.com/resources/blog/the-role-of-artificial-intelligence-in-accelerating-semiconductor-research-and-development/> (дата обращения: 19.07.2024).

11 13-значная цифра: мировая цифровая экономика вырастет до \$ 16,5 трлн в 2028 г. // ADPASS. – 2024. – August 13. – URL: <https://adpass.ru/13-znachnaya-tsifra-mirovaya-tsifrovaya-ekonomika-vyrastet-do-16-5-trln-v-2028-godu/?ysclid=m0c8j5631i128680985do-16-5-trln-v-2028-godu/?ysclid=m0c8j5631i128680985> (дата обращения: 19.07.2024).

пании освоили выпуск высокопроизводительных полупроводников, позволяющих повысить конкурентоспособность РК в облачных технологиях. Качественные изменения происходят в системе здравоохранения. Опираясь на использование таких технологий, как 5G и Интернет вещей (*internet of things, IoT*), создаваемые 18 «умных» медицинских клиник получили возможность проводить регулярный мониторинг пациентов, по результатам которого осуществляются комплексные диагностика и лечение. Модернизированные клиники, используя появившиеся в ходе реализации стратегии цифровизации возможности, проводят удаленную диагностику заболеваний с респираторными и температурными симптомами, что позволяет в значительной мере предотвратить распространение инфекционных эпидемий. РК занимает в мировой экономике лидирующие позиции по числу используемых роботов [UNCTAD, 2024, р. 38]. При этом по данным за 2024 г. в РК на 10 тыс. работников приходилось 1012 ед. роботов – наивысший показатель в мире, в то время как в Германии на 10 тыс. работников приходится 415 ед., в США – 285 ед. [Варнавский, 2025, с. 11].

Вместе с тем реализация цифрового перехода сталкивается с **рядом проблем**. Недостаточно динамично включается в процесс цифровизации малый бизнес. Возникают объективные сложности в регулировании процесса цифровизации. С одной стороны, существует необходимость контролировать функционирование дата-центров и интернет-мобильности с целью предотвращения утечек информации частного характера. С другой стороны, вводимые в связи с этим государством

ограничения приводят к снижению южнокорейского ВВП на 0,4% [Розанова, 2024, с. 18]. Проблемным звеном южнокорейских производителей остается отрасль ИИ. Хотя такие местные компании, как *Naver, KT, Kakao Corp.*, наращивают свой потенциал, 70% внутреннего рынка контролирует *Amazon Web Service*. Южнокорейских компаний пока нет в числе «ИИ-единорогов»¹². Дабы преодолеть сложившееся отставание, в 2023 г. в РК был принят Закон о содействии индустрии ИИ и основах заслуживающего доверия ИИ, предусматривающий снятие зарегулированности отрасли при сохранении контроля за конечными результатами разработок.

Международные аспекты цифровизации южнокорейской экономики

Между тем возможности в развитии технологий цифровизации за счет ресурсов одной страны, тем более среднего государства, каковым является РК, объективно ограничены. Это касается таких факторов, как финансовые ресурсы, потенциал научных кадров, емкость ряда секторов внутреннего рынка. В частности, объем внутреннего спроса на ИИ, хотя и показывает тенденцию к росту, составляет лишь 1–2% от мирового рынка этой продукции. Отсюда – объективная потребность в международной кооперации.

Кроме того, национальные политические и деловые элиты исходят из того, что научные и коммерческие достижения должны быть подкреплены южнокорейским влиянием на международное регулирование процесса цифровизации. В этом контексте логичным является присоединение

12 Компания-единорог (unicorn) – стартап, использующий в основе своей бизнес-модели ИИ, чья рыночная стоимость превысила 1 млрд долл.

РК в 2024 г. к Соглашению о партнерстве в области цифровой экономики (*Digital Economy Partnership Agreement, DEPA*), с расчетом на возможность оказывать влияние на технологические стандарты и правовые параметры развития отрасли¹³.

Вектор глобальной активности РК при поддержке государства определяют ведущие южнокорейские корпорации, прежде всего *Samsung Electronics* и *SK Hynix*, входящие в число мировых лидеров в производстве полупроводников и ИТ, и во многом задающие направление и характер развития цифровизации в РК. В частности, большое значение в корпорации *Samsung* уделяют привлечению к своим исследовательским программам ученых из других стран в рамках стратегии формирования Стратегических альянсов в области исследований и технологий (*Strategic Alliances for Research and Technologies*). С этой целью была развернута глобальная сеть Центров НИОКР (*Samsung Global Research Centre*) в 15 странах, включая США, Китай (два Центра), Великобританию, Израиль и Японию. Действовал подобный институт и в России. В наибольшем масштабе научные исследования проводятся в США под эгидой *Samsung Research America*. При этом приоритетное внимание уделяется ИИ, цифровой медицине и разработкам соответствующей техники, 6G, *Big Data*, робототехнике, вопросам информационной безопасности¹⁴. В свою очередь *Apple*, *Google* и *Microsoft* инвестируют в стартапы в РК. В 2010–2021 гг. американские компании вложили в южнокорейский бизнес, связанный с ИИ, 3,8 млрд

долл. В этот же период вложения корпораций РК в американскую индустрию ИИ составили 4 млрд долл. [*Moon, McFaul, 2024, p. 40*].

Китай также остается одним из приоритетных направлений зарубежной активности южнокорейского бизнеса в отраслях, связанных с развитием цифровой экономики. Хотя на долю КНР приходится четверть всего южнокорейского экспорта, на китайский рынок поступает до половины экспортируемых южнокорейских полупроводников [*Федоровский, 2023, с. 13*]. Взаимодействие с китайскими партнерами обеспечивает корпорациям РК доступ к растущему рынку ИТ, позволяет использовать преимущества научной и производственной специализации и кооперации, развивать в Китае ту часть производств и НИОКР, которые по разным причинам (в том числе из-за дефицита необходимых кадров и финансов) не могут быть в полном объеме реализованы в условиях Республики Корея.

Вместе с тем на протяжении 2020-х годов обозначились препятствия развитию южнокорейско-китайского взаимодействия в сфере цифровизации. Главной внешней проблемой стала угроза, связанная с ухудшением американо-китайских отношений, выражающаяся в ограничениях деловых связей южнокорейских корпораций с китайскими производителями оборудования 5G, необходимого для оптимизации производственных цепочек, из-за опасения введения санкций со стороны США. В результате деформируется выстраиваемая южнокорейским бизнесом система глобальной сети цифровых производств.

13 Korgun I. South Korea's Entry in Global Digital Economy Pact Signals Ambitious Goals // *Koreapro.* – 2024. – September 4. – URL: <https://koreapro.org/2023/10/south-koreas-entry-in-global-digital-economy-pact-signals-ambitious-goals/> (дата обращения: 19.07.2024).

14 Samsung Research. – URL: <https://research.samsung.com/global-rnd-network> (дата обращения: 09.03.2025).

Проявившиеся в последнее время трудности другого характера связаны с внутренней политикой китайских властей. Правительственная система регулирования цифровой экономики в КНР распространена на вопросы правомочности акционеров иностранных финансовых корпораций, взаимодействующих с аналогичными китайскими компаниями. Каждый акционер с долей акций свыше 10% обязан пройти тщательную финансовую и правовую проверку. В итоге вводимые китайским правительством правила контроля и регулирования угрожают осложнением участию южнокорейского бизнеса в программах цифровизации китайской экономики¹⁵.

В этих условиях инновационный транзит РК, подразумевающий цифровизацию ее экономики, предполагает внесение существенных коррективов во внешнеэкономическую стратегию. Ставится задача расширить южнокорейское присутствие в ведущих мировых центрах концентрации цифровых стартапов, для чего с 2023 г. вдвое увеличивается число поддерживаемых государством соответствующих программ. В частности, с целью наращивания цифрового экспорта через расширение участия в международном партнерстве на частном и некоммерческом уровне (*public partnership*) получили применение так называемые цифровые делегации (*digital delegation*), создающие подобие соответствующих хабов в мировых центрах высоких технологий: в Кремниевой долине (США), в Брюсселе (ЕС) и в Шанхае (Китай)¹⁶.

Кроме того, продолжение деловых связей с США и ЕС, поиск путей сохра-

нения партнерства с Китаем становится целесообразно дополнить доступом к научным ресурсам и выходом на новые рынки, а также на нетрадиционных зарубежных производителей. Логике данной стратегии отвечают Центры НИОКР, открытые корпорацией *Samsung* в Индии, Индонезии, Бангладеш, Иордании и на Филиппинах.

В этом контексте широкие возможности в сфере инновационной экономики для Республики Корея открывает взаимодействие с Индией и рядом государств – членом АСЕАН. Укрепление торгово-инвестиционных связей, а также партнерство с этими странами в продвижении цифровых технологий в рамках «Новой южной политики» было обозначено еще администрацией Мун Чжэ Ина в качестве одного из приоритетных направлений южнокорейской экономической экспансии [Kim, Lee, Kim, 2020, p. 3–5]. Однако обновление стратегии цифровизации побуждает Сеул внести коррективы в проводимую в Юго-Восточной Азии экономическую политику. Если прежде южнокорейские компании предпочитали переносить в страны АСЕАН трудоемкие производства, включая их в свои глобальные производственные цепочки, то теперь перспективы развития отношений с расположенными в регионе государствами в большей мере рассматриваются с учетом возможности сотрудничества в сфере цифровизации.

Индийские партнеры южнокорейских компаний демонстрируют впечатляющие темпы роста секторов, связанных с процессом цифровизации индустрии и сферы услуг. В частности, в Индии число потребителей электрон-

15 Kim E. China's Digital Economy Regulations Adding Risk to South Korea Companies // Business Korea. – 2021. – March 31. – URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?dxno=62545> (дата обращения: 28.06.2024).

16 Korea to Come up with the Roadmap of Digital ROK, Realizing the New York Initiative // Ministry of Science and ICT. – 2023. – September 28. – URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=4&mPid=2&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=742> (дата обращения: 28.06.2024).

ной коммерции увеличилось в 2013–2018 гг. в 4,4 раза, электронные платежи выросли в 10 раз. С целью активизации процесса цифровизации экономики правительством была выдвинута Цифровая инициатива Индии. Согласно существующим прогнозам, к 2028 г. Индия по объему цифровой экономики войдет в число десяти мировых лидеров¹⁷.

В свою очередь, цифровая экономика динамично растет в странах – членах АСЕАН. В Индонезии ее объем, составивший в 2019 г. 40 млрд долл., может достичь к 2025 г. 133 млрд долл. Индонезийское правительство делает ставку на развитие цифровых технологий в финансовой сфере, электронной коммерции, поддерживает развитие стартапов, в том числе за счет налоговых льгот. Продолжение наметившихся процессов может способствовать превращению Индии и Индонезии в перспективных партнеров Республики Корея в цифровой сфере. Многие в связи с этим будут зависеть от последовательности экономической политики этих стран, в том числе в развитии промышленной, транспортной и социальной инфраструктур.

В то же время на роль лидера в процессе цифровизации экономики претендует Вьетнам (97% населения которого охвачено Интернетом), демонстрировавший в 2022–2023 гг. наиболее высокие в АСЕАН темпы распространения цифровых технологий. При этом при непосредственном участии корпорации *Samsung* (инвестиционном, технологическом, образовательном) Вьетнам сумел войти в число лидеров по экспорту ИТ-продукции на мировой рынок. В результате вклад

цифровизации в прирост вьетнамской экономики в 2023 г. составил 16% [World Bank Group, 2024, p. 33].

Значимым становится партнерство между Республикой Корея и Сингапуром, которое проявляется как на двустороннем уровне, так и во взаимодействии двух стран на государственном и коммерческом уровнях в третьих государствах и в международных организациях. Сингапур обладает технологическими возможностями при южнокорейском участии в создании перспективных проектов реализации цифровизации ряда отраслей и социальных объектов, использование которых может быть перенесено на глобальный уровень, что с учетом технологического задела РК в этой области создает прочную основу для кооперации двух стран. Кроме того, правительственные структуры Сингапура и РК тесно сотрудничают в подготовке и продвижении правовых документов, относящихся к процессу цифровизации, в ходе подготовки и реализации международных торговых, финансовых и научно-технических проектов.

Большинство государств – членов АСЕАН обладают крупным потенциалом развития цифровизации. В период до 2030 г. ежегодный прирост цифровой экономики стран АСЕАН ожидается на уровне 16%, что может позволить довести ее совокупный объем до 1 трлн долл.¹⁸ К недостаткам стран АСЕАН прежде всего относятся дефицит квалифицированных кадров и относительная неразвитость системы образования.

Тем не менее учет баланса преимуществ и недостатков развития стран АСЕАН и Индии в контексте общих

17 13-значная цифра: мировая цифровая экономика вырастет до \$ 16,5 трлн в 2028 г. // ADPASS. – 2024. – August 13. – URL: <https://adpass.ru/13-znachnaya-tsifra-mirovaya-tsifrovaya-ekonomika-vyrastet-do-16-5-trln-v-2028-godu/?ysclid=m0c8j5631i128680985do-16-5-trln-v-2028-godu/?ysclid=m0c8j5631i128680985> (дата обращения: 19.07.2024).

18 Vietnam Becomes Fasters Growing Digital Economy in ASEAN: HSBC // Vietnamplus. – 2024. – April 25. – URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-becomes-fasters-growing-digital-economy-in-asean-hsbc-post285897.vnp> (дата обращения: 16.08.2024).

перспектив развития этих государств делает взаимодействие с ними перспективным направлением участия южнокорейского бизнеса и государства в международных проектах цифровизации. Учитывая экономический масштаб и численность населения, приближающегося к 2 млрд чел. (около 1,4 млрд в Индии и свыше 600 млн в странах АСЕАН), а также в целом позитивные прогнозы развития этих стран, закономерно стремление южнокорейских корпораций заложить долгосрочные основы своего вовлечения в проекты модернизации на основе цифровых технологий, реализуемых в этом экономическом ареале.

Заключение

Политические и экономические элиты Республики Корея осознают потребность масштабной и динамичной цифровизации коммерческой и социальной сфер страны. При этом цифровой переход увязывается с прогрессивными трансформациями в структуре национальной экономики, подразумевающими внедрение энергосберегающих и экологических технологий, рост электронной торговли и оптимальный доступ потребителей к товарам, услугам, образованию, медицинскому обслуживанию и культуре вне зависимости от места проживания. В связи с этим правительством реализовывались меры по организационной и финансовой поддержке цифровизации в ключевых отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, а также в сферах образования, медицины и культуры.

В то же время конечный успех высокотехнологичной модернизации с использованием цифровых технологий будет зависеть от результативности координации деятельности государственных институтов и коммерческих

организаций внутри страны, а также способности южнокорейских дипломатии и бизнеса воспользоваться возможностями международной кооперации в условиях американо-китайских противоречий. Последние влияют на международное научно-техническое и производственное взаимодействие в отраслях, обеспечивающих реализацию проектов цифровой трансформации экономики и всей системы жизнедеятельности. Другая проблема связана с последствиями политического кризиса в РК конца 2024 – начала 2025 г. Развернувшаяся при этом острая внутривнутриполитическая борьба может негативно отразиться на сроках принятия важных правовых документов, регулирующих ход цифровизации. Тем не менее есть объективные основания предполагать, что уже накопленный инновационный потенциал и возможности крупного бизнеса позволят в ближайшие годы преодолеть тактический сбой в функционировании ключевых институтов страны, и в стратегической перспективе Южная Корея сохранит свой статус в числе мировых лидеров цифрового процесса.

Список литературы

Варнавский В.Г. Мировые тренды в робототехнике // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 1. – С. 5–16. – DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-5-16.

Кукла М.П. Финансовый сектор в экономике Республики Корея: от индустриализации до цифровой трансформации // Корееведение. – 2023. – № 1(2). – С. 5–17. – DOI: 10.48647/ISSA.2023.69.68.001.

Розанова Н.М. Цифровые экосистемы: двуликий Янус национального государства // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 3. – С. 15–22. – DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-15-22.

Федоровский А.Н. Региональные институты на индо-тихоокеанском пространстве в контексте соперничества глобальных лидеров // Новая реальность индо-тихоокеанского пространства / под общ. ред. В.В. Михеева; отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва : ИМЭМО РАН. – 2023. – С. 7–16.

Ahn Ch.Y. Rising Inequalities in South Korea and the Search for a New Business Ecosystem // *Global Asia*. – 2016. – Vol. 11, N 2. – URL: https://globalasia.org/11no2/cover/rising-inequalities-in-south-korea-and-the-search-for-a-new-business-ecosystem_choong-yong-ahn (дата обращения: 23.12.2024).

Cheong I., Cho J. Digital Government in the Republic of Korea: Evaluation and Challenges // Chen L. and F. Kimura (eds.) *Empowering Online Public Service in Asia: The Digital Frontier* / Ed. by L. Chen, F. Kimura. – Jakarta : ERIA, 2024. – P. 177–197. – URL: <https://eria.org/uploads/07-Chapter-6-Digital-Government-in-the-Republic-of-Korea.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

Kim E., Kim M., Kyung Y. A case study of digital transformation. Focusing on the Financial Sector in South Korea and Overseas // *Asia Pacific Journal of Informational Systems*. – 2022. – Vol. 32, N 3. – P. 537–563. – URL: https://apjis.or.kr/pdf/APJIS_32_3_537.pdf (дата обращения: 24.12.2024).

Kim J., Lee J., Kim J. Digital Economy: A New Prospect for Korea's New Southern Policy // *World Economy Brief*. Korea Institute for International Economic Policy. – 2020. – November 2. – P. 1–5. – URL: https://ideas.repec.org/p/ris/kiwpwe/2020_030.html (дата обращения: 28.06.2024).

Moon A., McFaul C. Pathways for U.S.-ROK Collaboration on Artificial Intelli-

gence // *U.S.-ROK Tech Cooperation: Export Controls, DATA Policy, and Artificial Intelligence* / Ed. by G. Lee, D. Strub. – Seattle, Washington : The Nation Bureau of Asian Research, 2024. – P. 27–42. – (NBR Special Report N. 107). – URL: <https://www.nbr.org/publication/u-s-rok-tech-cooperation-export-controls-data-policy-and-artificial-intelligence> (дата обращения: 09.03.2025).

OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1). *Embracing the Technological Frontier Digital*. – Paris : OECD Publishing, 2024a. – 161 p. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook/volume-2024/issue-1_69a0c310-en/full-report/component-2.html#introduction-d5e41 (дата обращения: 18.12.2025).

OECD Digital Economy outlook 2024 (Volume 2). *Strengthening Connectivity, Innovation and Trust*. – Paris : OECD Publishing House, 2024b. – 223 p. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-2_3adf705b-en.html (дата обращения: 18.12.2025).

Park J. Driving Inclusive Digital Transformation in Korea // *KIEP Research Paper*. – 2023. – N 277. – P. 1–3. – URL: <https://sern.com/abstract=4763004> (дата обращения: 23.11.2024).

UNCTAD. 2024 Digital Economy Report. *Shaping an Environmentally Sustainable and Inclusive Digital Future*. – Geneva : United Nations, 2024. – 275 p. – URL: <https://ifap.ru/library/book687.pdf> (дата обращения: 21.12.2024).

World Bank Group. *Digital Progress and Trends Report 2023*. – Washington, DC : The World Bank, 2024. – 177 p. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/95fe55e9-f110-4ba8-933f-e65572e05395/content> (дата обращения: 15.01.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.06

The Evolution of Digitalization Strategy in the Republic of Korea

Alexander N. Fedorovskiy

Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3892-8432

CITATION: Fedorovskiy A.N. (2025). The Evolution of Digitalization Strategy in the Republic of Korea. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 95–111 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.06

Received: 26.02.2025.

Revised: 30.03.2025.

ABSTRACT. *The course toward digitalization of the economy and public life pursued in the Republic of Korea in the 2020s aligns with the overall strategy of accelerated innovative development, aimed at maintaining progressive dynamics, ensuring stable growth, and achieving high living standards. At the same time, the concept of digitalization has been implemented in a consistent manner. Changes in the ruling administration allow for adjustments to the digitalization strategy but do not lead to its abandonment or to radical shifts in its content. A key feature of the long-term action plan was the linkage of the strategic digitalization program with the transition toward a green economy. A chronic labor shortage, stemming from demographic challenges, becomes a serious long-term constraint on South Korea's economic development. One solution to this problem is the expanded use of robots in both industrial production and the service sector. The need to secure competitive advantages also drives the development of*

quantum computing and artificial intelligence. Key digitalization projects include industries directly improving quality of life – primarily healthcare, education, culture, the environment, and housing-related services. Achieving these goals requires the advanced development of IT, building on the country's scientific and industrial potential. Cooperation with foreign producers and consumers of digital products is an important dimension of South Korea's strategy. American, European, and Japanese corporations remain significant external partners, but in recent years priority has been given to entering the Chinese market and deepening cooperation with Chinese companies. At the same time, growing attention is paid to new partners, including ASEAN countries and India.

KEYWORDS: Republic of Korea, New Digital Agenda, Korea's Digital Strategy, information technology, artificial intelligence, China, United States, ASEAN, India, Vietnam.

References

Ahn Ch.Y. (2016). Rising Inequalities in South Korea and the Search for a New Business Ecosystem. *Global Asia*. Vol. 11, no. 2. Available at: https://globalasia.org/11no2/covers/rising-inequalities-in-south-korea-and-the-search-for-a-new-business-ecosystem_choong-yong-ahn, accessed 23.12.2024.

Cheong I., Cho J. (2024). Digital Government in the Republic of Korea: Evaluation and Challenges. In: Chen L., Kimura F. (eds.) *Empowering Online Public Service in Asia: The Digital Frontier*. Jakarta: ERIA, pp. 177–197. Available at: <https://eria.org/uploads/07-Chapter-6-Digital-Government-in-the-Republic-of-Korea.pdf>, accessed 08.01.2025.

Fedorovsky A.N. (2023). Regional institutions in the Indo-Pacific space in the context of rivalry of global leaders. In: Mikheev V.V., Lomanov A.V., Shvydko V.G. (eds.) *New reality of the Indo-Pacific Space*. Moscow: IMEMO RAS, pp. 7–16 (in Russian).

Kim E., Kim M., Kyung Y. (2022). A case study of digital transformation. Focusing on the Financial Sector in South Korea and Overseas. *Asia Pacific Journal of Informational Systems*. Vol. 32, no. 3, pp. 537–563. Available at: https://apjis.or.kr/pdf/APJIS_32_3_537.pdf, accessed 24.12.2024.

Kim J., Lee J., Kim J. (2020). Digital Economy: A New Prospect for Korea's New Southern Policy. *World Economy Brief. Korea Institute for International Economic Policy*. November 2, pp. 1–5. Available at: https://ideas.repec.org/p/ris/kiepwe/2020_030.html, accessed 28.06.2024.

Kukla M.P. (2023). The financial sector in the economy of the Republic of Korea: from industrialization to digitalization. *Koreanology*. No. 1 (2), pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.69.68.001.

Moon A., McFaul C. (2024). Pathways for U.S.-ROK Collaboration on Artificial Intelligence. In: Lee G., Strub D. (eds.) *U.S.-ROK Tech Cooperation: Export Controls, DATA Policy, and Artificial Intelligence*. Seat-

tle, Washington: The Nation Bureau of Asian Research, pp. 27–42 (NBR Special Report N. 107). Available at: <https://www.nbr.org/publication/u-s-rok-tech-cooperation-export-controls-data-policy-and-artificial-intelligence>, accessed 09.03.2025.

OECD (2024a). *Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1). Embracing the Technological Frontier Digital*. Paris: OECD Publishing, 161 pp. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook/volume-2024/issue-1_69a0c310-en/full-report/component-2.html#introduction-d5e41, accessed 18.12.2025.

OECD (2024b). *Digital Economy outlook 2024 (Volume 2). Strengthening Connectivity, Innovation and Trust*. Paris: OECD Publishing House, 223 pp. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-2_3adf705b-en.html, accessed 18.12.2025.

Park J. (2023). Driving Inclusive Digital Transformation in Korea. *KIEP Research Paper*. KIEP Opinions No. 277, pp. 1–3. Available at: <https://sern.com/abstract=4763004>, accessed 23.11.2024.

Rožanova N.M. (2024). Digital ecosystems: the two-faced Janus of the national state. *World Economy and International Relations*. Vol. 68, no. 3, pp. 5–22 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-15-22.

UNCTAD (2024). *2024 Digital Economy Report. Shaping an Environmentally Sustainable and Inclusive Digital Future*. Geneva: United Nations, 275 pp. Available at: <https://ifap.ru/library/book687.pdf>, accessed 21.12.2024.

Varnavskii V.G. (2025). Global trends in robotics. *World Economy and International Relations*. Vol. 69, no. 1, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-5-16.

World Bank Group (2024). *Digital Progress and Trends Report 2023*. Washington, DC: The World Bank, 177 pp. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/95fe55e9-f110-4ba8-933f-e65572e05395/content>, accessed 15.01.2025.